

Двести тибетцев в поисках

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

Удивительным образом зарифмовались начало и конец чеховского фестиваля. Скорее всего, это случайность, но случайность, которая обрела глубокий смысл. «Шесть персонажей в поисках автора», «И вдруг ночи стали бессонными» стали впечатляющей рамкой для марафона, в котором разные по масштабу режиссеры, так или иначе, отвечали на вопрос о предназначении театра. Если Луиджи Пиранделло вывел на сцену шесть персонажей, то у Ариан Мнушкин в поисках «автора» окажутся более 200 тибетцев, но в обоих случаях речь идет, конечно же, не столько о самих страждущих, сколько о людях театра, их возможностях вмешаться, изменить мир.

Режиссер американского спектакля Роберт Брустин на обсуждении сетовал на нудные повторы в пьесе итальянского драматурга, он видел свою задачу в том, чтобы адаптировать автора, перенести действие из Италии в Америку, в свой конкретный театр, его актеры играют самих себя, импровизируя на злободневные темы. Брустин видит свою задачу в противостоянии массовой культуре, коммерции, судьба «персонажей», проблематика, стилистика драматурга его не слишком волновали. В спектакле Ариан Мнушкин, в котором использован «метод коллективной импровизации», перекличка с «Шестью персонажами», некая скрытая полемика с Пиранделло очевидна. В «Бессонных ночах» аukaются самые разные театральные эпохи – комедия дель арте, старинные французские клоунады, восточные ритуалы, элементы хэппенинга, моменты психологического «проживания», образуя удивительный сплав, так что не сразу и заметишь, как из невольного участника митинга, пресс-конференции превратишься в действующее лицо мощной мистерии.

Действо Театра дю Солей постепенно захватывает все пространство зрительного зала. Другое дело, что часть публики добровольно сдается в плен, а часть упрямо со-

противляется и не хочет быть завоеванной. Признаюсь, что вхождение в предлагаемые Мнушкин обстоятельства далось мне не сразу. Как говорил Федор Шалапин: «от политики меня отталкивала вся моя натура». Объездивший советской идеологией, напч человек имеет стойкий иммунитет к «общественным» проблемам. Европейцам невдомек, что значит «политинформация» (на деле – дезинформация), на которой выросли поколения, в генах передавшие детям отвращение к принудительным и фальшивым актам «солидарности». «Что мне Тибет?», «Что я Тибету?» — вертелось в голове. Неожиданно мне припомнился первый приезд в Европу и убитый вид моего дальнего родственника, входящего на кухню своей прелестной пятикомнатной квартиры в центре Женевы со словами: «Плохие дела». На вопрос, что произошло – оказалось, что моего хозяина удручают события в Руанде. «Мне бы ваши заботы» – подумала я.

Не сразу, но довольно быстро выяснилось – это не мы смотрим спектакль, а спектакль *разглядывает нас*, проверяя на отзывчивость, человечность, на способность к коллективному сопереживанию. Для Ариан Мнушкин и ее актеров сцена – место, по которому нельзя ходить в грязной обуви. И все же труппа Театра дю Солей, какой она предстает в спектакле, ни в коей мере, не коллектив небожителей, скорее сообщество чудачков, недотеп. Искренние попытки актеров помочь тибетцам похожи на цепь смеющихся друг друга лацци.

Не случайно и персонажи-зрители, решившие разделить с актерами их заботы, сами неизбежно становятся клоунами. Так «правильный» папаша нелепой, смешной девочки-стажерки сам не заметит, как его ноги начнут выделять на сцене немислимые кренделя, а его забитая супруга взгромоздится на ролики и полетит на них без оглядки через всю сцену. Самоирония, которой наделены актеры Мнушкин не противоречит, а, напротив, подчеркивает и проясняет мысль о том, что, становясь клоуном, человек освобождается, обретает истинного себя. (К слову сказать – это любимая тема нашего режиссера Алексея Левинского).

«Бессонные ночи» не преувеличивают возможности театра – французские самолеты полетят в Тибет, постукавшиеся в двери театра «персонажи» будут отправлены на

экран и сцена —

автора

родину. Но и преуменьшать свои возможности, «по одежке протягивать ножки», Ариан Мнушкин несогласна. Кому-то такой взгляд может показаться наивным. Театр моделирует жизнь «такой, какой она представляется в мечтах», как говорил Треллев. В момент отчаянья и уныния на сцену полетят телеграммы, будто бы посланные из разных концов Франции, с предложениями помощи тибетцам, артисты торжественно вручат их зрителям. Происходит чудо объединения сцены и зала. Непривычность, уникальность Театра дю Солей, прежде всего в отношении к зрителю-создателю спектакля. Сценическое искусство для Мнушкин равносильно искусству общения, творческой связи между людьми. Многострадальный Тибет для Театра дю Солей — страна великой культуры, дающая мощный творческий импульс. Непривычно звучащая для европейского уха музыка (композитор Жап-Жак Леметр) постепенно обволакивает зрителя, давая необходимый настрой. Тибетский як — персонаж народного карнавала, изумительно живописные лошадки, олень (в этой маске лама исполняет предсмертный ритуальный танец) погружают зрителя в мир древнего и мудрого искусства. Труппа Мнушкин показывает свою всемирную отзывчивость, ей присущ прекрасный театральный «экуменизм».

Спектакль по пьесе Э.Сиксуе «И вдруг ночи стали бессонными», вызвавший жаркие споры, нашел свою аудиторию в Москве, что вселяет оптимизм. Лозунг «Сначала хлеб, а нравственность потом» отрицался сильнейшим финалом, когда ломались французские батоны и раздавались публице, становясь обрядом причащения. Девальвированное, скомпрометированное советской историей понятие солидарности обретало первоначальный смысл. Прав Кьеркегор: «Дверь к счастью открывается наружу!».

● *Сцена из спектакля*

Фото В.БАЖЕНОВА

Экран и сцена